

Н. Е. Таркан,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
МГУ имени А. А. Кулешова
(Могилев, Беларусь)

БУНИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. КАТАЕВА («ТРАВА ЗАБВЕНИЯ»)

В статье рассмотрены традиции И. Бунина в творчестве В. Катаева. Сделан акцент на анализе одной из самых своеобразных книг В. Катаева «Трава забвения», в которой писатель рассказал о влиянии бунинского наследия на свою писательскую судьбу.

«Трава забвения» В. Катаева принадлежит к тем особенным книгам, в которой автор высказывает свою точку зрения на писательский труд и на свой собственный.

В центре внимания В. Катаева – творческое бытие художника. В. Катаев подробно и глубоко рассматривает влияние наследия И. Бунина на свою писательскую судьбу.

В. Катаев постиг «чудо подлинной поэзии», которое заключалось в том, что Бунин умел с поразительной «точностью, краткостью, вещественностью» воспроизводить окружающий его мир. Например, Катаев познакомился со стихами Бунина, где описана морская чайка. В стихах

была не «бухта», бухточка», и не воображаемая, а скалистая, то есть такая, какую он много раз видел. «Чайка была тоже... не абстрактная..., а вполне реальная..., севшая в скалистой бухточке, как поплавок», – сравнение, буквально сразившее его своей простотой и почти научной точностью: «Уж я ли не знал, – восклицает Катаев, – как плавает в морской воде двухцветный, наполовину красный, наполовину синий, пробковый поплавок – такой легкий, устойчиво покачивающийся на прибрежной волне, с торчащим кончиком гусиного пера.

Бунин открыл мне глаза на физическое явление поплавок, имеющего – по-видимому! – такой же удельный вес, как и чайка со своими полыми костями и плотным, но чрезвычайно легким, просаленным, непромокаемым оперением, как бы пропитанным воздухом» [1, с. 25–26].

Вот эта вещественность, конкретность описания, умение передать физическое явление, душу вещи и была воспринята В. Катаевым.

Еще одна из граней – это высказывания самого Бунина о творчестве и закономерностях писательского труда. В отличие от ранних вещей, в «Траве забвения» образ И. Бунина дан глубже, разностороннее. В рассказе «Музыка» (1918 г.) он наделен лишь двумя приметам: характерной внешностью и профессиональным навыком наблюдать за всем происходящим. В «Золотом пере» (1920 г.) образ писателя (Шевылева) более определен.

В «Траве забвения» Катаев уже не прибегает к зашифровке имени, сходные эпизоды перерастают в более широкие картины, а сам Бунин повернут наиболее сокровенными сторонами его души. Его высказывания о писательском творчестве не сухие, как в статьях, а эмоционально окрашены и приобретают конкретность, они человечески осязаемы. В книге разбросано немало интересных мыслей И. Бунина. Главные из них ориентируют на непрерывный труд и на самостоятельность художественного видения. Советуя писать каждый день, как скрипач или пианист непременно должен каждый день без пропусков по несколько часов играть на своем инструменте, иначе «талант неизбежно оскудеет, высохнет, подобно колодцу, откуда долгое время не берут воду», Бунин задает вопрос: «А о чем писать?» – и тут же отвечает: «О чем угодно. Если у вас в данное время нет никакой темы, идеи, то пишите просто обо всем, что увидите. Бежит собака с высунутым языком... – опишите собаку... Но точно, достоверно, чтобы собака была именно эта, а не какая-нибудь другая. Опишите дерево. Море. Скамейку. Найдите для них единственно верное определение» [1, с. 30].

Мы видим Бунина-поэта, даже Бунина-автора «Господина из Сан-Франциско». Но Бунин-мыслитель, раздираемый противоречиями по поводу не менее противоречивой русской действительности в «Траве забвения» не показан.

Установка на субъективность в воссоздании образа Бунина сказалась и на использовании изобразительных средств.

В. Катаев стремиться передать не только результат, но и сам процесс поиска. Это привело его к особой форме изложения, которую условно можно назвать приемом неточности суждения. Катаев словно говорит: «Не знаю и не считаю нужным знать точнее. Другие пишут определенно, я буду вольно, приблизительно, не скрывая собственных сомнений, чувствуется тон человека, игнорирующего общепризнанные мнения».

«Многие описывали наружность Бунина. По-моему, лучше всего получилось у Андрея Белого: профиль кондора, как бы заплаканные глаза, ну и так далее. Более подробно не помню.

Потом я слышал, что глаза у Бунина были прелестно-голубые, но я этого не заметил. Хотя вполне допускаю.

... Потом я слышал, что он не столько желчный, сколько геморроидальный, но это не существенно» [1, с. 12].

Открытая позиция автора находит своеобразное преломление и в других изобразительных приемах. В частности, этот принцип катаевской поэтики определяет и особый прием повествования, который называется разновариантностью описания. Сущность его заключается в том, что предмет, явление, лицо воспроизводится в разных субъектных восприятиях, каждое из которых либо фиксирует какую-то сторону объекта, либо реализует одну из возможностей его развития. Так, например, нарисовав внешность И. А. Бунина, В. Катаев сообщает читателям, как бы он описал ее в двадцатые годы.

Еще одна грань освоения бунинской поэтики (более глубокая) – итоговые размышления В. Катаева (нередко сопоставления с поэтикой Блока, Маяковского и других поэтов) над сущностью бунинского мастерства: «У меня сложилось убеждение, что подобного рода «флоберизм», и до сих пор еще модный среди некоторых писателей, глубоко убежденных, что есть какое-то особенное писательское мастерство, родственное мастерству, скажем, шлифовщика или чеканщика, способное превратить ремесленника в подлинного художника, ни в какой мере не был свойственен Бунину.

Сила Бунина-изобразителя заключалась в поразительно быстрой, почти мгновенной реакции на все внешние раздражители и в способ-

ности тут же найти для них совершенно точное словесное выражение» [1, с. 73–74]. Интересно, что одним из способов самоконтроля Бунин считал писательский почерк, поэтому он не советовал писать прямо на машинке, так как «слово..., написанное... собственноручно на бумаге... как бы является материальным, зримым следом... мысли – ее рисунком», выявляющим фальшь «по некоторому замедлению, убыстрению и даже изменению почерка» [1, с. 74].

И наиболее глубокий пласт – влияние бунинской поэтики непосредственно на текст самого повествования. Причем роль этой традиции в становлении метода и стиля «Травы забвения», книги с ярко выраженной авторской субъективностью, чрезвычайно велика. Именно бунинское отношение к слову помогает Катаеву оставаться на реалистических позициях.

Субъективность сказалась в том, что Катаев нарушает привычную хронологию, свободно перенося повествование как в прошедшее, так и в будущее. Будущее подключается с помощью несколько модернизированной модели старого типа: «сорок лет тому вперед». Так в книге появляется перспективное изображение, или, по удачному выражению Л. Я. Гинзбург, адресованному Герцену, «воспоминания будущего». «Не время организует материал, – утверждает Катаев, – а что-то другое. Не единство времени, а единство личности художника» и бунтует против условности времени.

Но повышенная субъективность не приводит к снижению изобразительной стихии слова. Катаеву слишком близка «та доведенная до возможного совершенства пластичность, которая всегда выделяла русскую литературу из всех мировых литератур и ставила ее на первое место» [1, с. 75] и которая отличала бунинскую прозу с ее плотностью, весомостью, значимостью слова. Катаев сам связывает свой мовизм с «земной оптикой» Бунина. Ему всегда важен факт, пафос факта, конкретное содержание, зримость образа, если так можно выразиться, земное притяжение слова. Всегда очень зримый и реальный мир встает в описаниях Катаева.

От Бунина у Катаева – плотность описаний. Умея выделить, отобразить нужную, наиболее выразительную деталь, Катаев, как и Бунин, не любит в описании пустот. Все пространство – пейзаж, квартира у него всегда заполнены. От Бунина – беспощадность описаний, дразнящая острота, резкость неожиданного поворота – все то, что составляет мужество реализма даже в чисто изобразительном плане, придает описанию рельефность, стереоскопичность.

Катаев не боится, например, написать, что у Бунина были «волчьи уши»: «Однажды и я попал в поле его дьявольского зрения. Он вдруг посмотрел на меня, нарисовал указательным пальцем в воздухе на уровне моей головы какие-то замысловатые знаки, затем сказал:

– Вера, обрати внимание: у него совершенно волчьи уши. И, вообще, сударь, – обратился он ко мне строго, – в вас есть нечто весьма волчье.

...А у самого Бунина были тоже волчьи уши, что я заметил еще раньше!» [1, с. 53]. Иногда Катаеву изменяет чувство меры и такта. Но уязвим Катаев в другом. В его изощренном умении изображать увиденное есть своя ахиллесова пята – равная степень внимания к разного рода явлениям. В. Катаев всегда одинаково пристален.

Катаевская проза в сравнении с его же собственной, но более ранней, становится, если пользоваться выражением Чехова, определившим особенности бунинской стилистики, резче, компактнее, концентрированнее. Стиль В. Катаева гибкий и подвижный, наполнен реализмом и чувством свежести, новизны бытия.

Список литературы

1. Катаев, В. Трава забвения / В. Катаев. – Москва: Вагриус, 2007. – 416 с.